

«Система запретов просто сидит в крови у некоторых людей. Она ассоциируется у них с чувством стабильности и безопасности», - говорит **протоиерей Игорь Прекуп, клирик Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата**

. Но причем, спрашивается, православие? В нем–то нет запретов? Или все-таки есть? Об этом и размышляет священник.

- [Для кого в Церкви нет запретов](#)
- [Однажды со мной перестала разговаривать прихожанка...](#)
- [Православие – религия запретов?](#)
- [Великий Пяток. Цена свободы от греха](#)
- [В Церкви просят не воспринимать ее как источник запретов](#)

Уютная система запретов

Протоиерей Игорь Прекуп

Строить какую-либо систему на запретах проще. И для тех, кто выстраивает, и для тех, кто в нее встраивается. Но это — порочный подход, и ничего общего с христианством он не имеет.

Важно понять, что это не православие — религия запретов, это система запретов сидит буквально в крови у некоторых людей. Она ассоциируется у них с чувством стабильности и безопасности. Но из-за этого и создается ложное впечатление, что всё православие строится только на запретах.

С другой стороны, система запретов не является чем-то совершенно чуждым христианству. Просто они занимают свое, далеко не главное место.

Приоритеты в христианском мировоззрении — любовь и свобода. И если человек исходит из этих приоритетов, у него сформируется определенная система запретов, но совершенно иная.

У Юрия Михайловича Лотмана есть высказывание, что культура начинается с запретов. Это действительно так. Но она не строится на приоритете какой-то общественной стабильности. Культура строится на приоритете развития, идеалов. И в стремлении к этим идеалам запреты уместны. Но это иначе воспринимаемые запреты.

Мрачные православные?

Сущность христианства проявляется не в тех или иных методах организации жизни христианского сообщества, которые могут быть популярными или привычными. О христианстве следует судить, во-первых, по Христу и Его Евангелию, и всему Новому Завету. Во-вторых, по жизни святых, наиболее прославившихся своей жизнью во Христе. Потому что они явили собой, что такое христианство.

И если посмотреть на них, это люди совершенно свободные — настолько, насколько человек вообще может быть свободен. Абсолютно свободен лишь один Бог, но человек может совершенствоваться в этой свободе в процессе богоуподобления.

У меня такое подозрение, что в первохристианские времена проблемы мрачных христиан, которые от всего отказываются, не было.

Когда человек обретает Христа и ценит этот дар, который Господь дал ему в вере, он мрачным быть не может. В том смысле, что покаяние его мрачным не будет, потому что покаяние наше сопряжено с надеждой.

Мрачным человек может быть, либо когда он в отчаянии и попросту не верит в преодоление своих грехов, либо когда он от всего устал, но боится признаться в этом себе самому. Когда он тянется к чему-то такому, что со спасительным путем несовместимо — ему этого очень хочется, а нельзя, и вот он переживает этот внутренний запрет, мучается и не понимает, что, запрещая себе что-то непотребное, он, на самом деле, раскрывается навстречу жизни.

Жертва здесь несопоставимая с тем, что он приобретает. Если видеть перед собой цель, ради которой приносится жертва, радость, свет этой цели будут на его лице. Даже если приходится очень нелегко. Даже если тяжело нести свой крест, все равно, чем человек последовательней в своем крестоношении, тем он светлее.

Скалолаз на пути к цели

Другое дело, что в жизни каждого из нас могут быть такие моменты, когда мы омрачаемся, — моменты наших искушений. Это может длиться и не секунду, две, а очень долго. Но это не может быть нормой жизни, печатью аскетизма. Наш аскетизм — светлый. Он не искусственно-лучезарный, а горящий особенным светом.

Вспоминаю одного своего преподавателя еще по семинарии — тогда иеромонаха Феодосия. Внешне он был человек вроде бы обыкновенный, но когда видел его в конце коридора (несмотря на то, что одет он был как обычный священник — не в клобуке, а в скуфейке), понимал: это идет монах. Не потому что у него лицо сосредоточенное или угрюмое — угрюмым я его вообще никогда не видел, хотя и улыбающимся за все время, может быть, пару раз только. То, что это монах, видно было по очень светлому выражению лица, без каких-то там веселостей. Чувствовалось, что человек живет

строгой жизнью, и запретам в его жизни есть место, но не это главное. Запреты для него — средства, опоры, которые он просто применяет ради достижения цели.

Как, например, скалолаз — он же тоже весь в тяжелом снаряжении, но оно обеспечивает ему стабильность пути, надежность. Это для него средства, чтобы двигаться к высокой цели.

Заглушить свободу нельзя

Как правило, мы говорим о свободе в контексте современных представлений о правах человека — то есть в политическом формате. Но такое представление во многом (не полностью, но все же) уходит корнями в те представления, которые принесло в мир христианство.

На чем основывается христианское учение о человеке – христианская антропология? На том, что человек сотворен по образу и подобию Божьему. Вот как преподобный Иоанн Дамаскин объяснял, в чем разница между образом и подобием: «Выражение „по образу“ обозначает разумное и одаренное свободною волею. Выражение же „по подобию“ обозначает подобие через добродетель, насколько это возможно [для человека]». То есть, разум, согласно христианской антропологии, — неременное условие свободы.

Свобода — это не только возможность определиться в Вечности, не только черта образа Божия, свойственная человеку по его богоподобной природе. Это фундаментальное свойство человеческой личности, как бы скрепляющее собой все прочие черты и обуславливающее богоуподобление. Только свободный человек может прийти к Богу и воссоединиться с Ним. Только свободно может преобразиться нравственно и духовно по образу Отца Небесного.

Свобода — это существенное свойство человеческого духа, который, как сказал святитель Феофан Затворник, «есть сила, от Бога исшедшая, ведает Бога, ищет Бога и в Нем одном находит покой». Можно ее, по словам святителя Феофана, «ослаблять в разных степенях, можно криво истолковывать ее требования, но совсем заглушить ее нельзя». И далее он пишет, что «человек всегда свободен. Свобода дана ему вместе с самосознанием. И вместе с ним составляет существо духа и норму человечности. Погасите самосознание и свободу, и вы погасите дух. И человек стал не человек».

Вот это и есть православие. Все остальное – выдумки.